

О. Б. ЛЕОНТЬЕВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (ответ на рецензию О. В. Морозова)

Автор специально останавливается на необходимых терминологических разграничениях и ключевых теоретико-методологических проблемах исследования исторической памяти, исторической культуры и коллективной идентичности.

Ключевые слова: историческая память, образы прошлого, историческая культура, «образованное общество», «высокая культура».

Для начала я хотела бы поблагодарить Олега Владимировича Морозова за рецензию, за внимательное и вдумчивое прочтение моей книги. Всегда приятно, когда научная работа находит своего адресата, и вдвойне – когда этим адресатом оказывается молодой исследователь, чья научная работа также связана с изучением исторической памяти. Научная и гражданская позиция автора вызывает мое глубокое уважение и поддержку. Можно согласиться со справедливым высказыванием о «непроработанности» исторического наследия XX века в сознании российского общества и о порожденных этим «войнах памяти» в общественной среде и медийном пространстве. Как и автора рецензии, меня тревожит бескомпромиссная уверенность многих наших современников в том, что возможно отыскать универсальную и «единственно верную» интерпретацию исторического прошлого. Думаю, что именно эти размышления и эта тревога стали подспудным двигателем появления и моей монографии, и рецензии О.В. Морозова на нее.

Безусловно, научный диалог с внимательным и требовательным читателем важен для самого автора: он позволяет взглянуть на исследуемую проблему в новом ракурсе, высветить ее узловые точки, постараться разъяснить те аспекты темы, которые при написании книги, в силу погруженности в проблему, казались самоочевидными и не требующими дополнительной аргументации. Отмечу, что сомнения и встречные размышления рецензента затрагивают как терминологические разграничения, так и архитектонику, и наконец, саму концепцию книги. Тем более важным мне представляется ответить на эти вопросы и сомнения.

Начну с терминологических вопросов, поскольку они, так или иначе, связаны с общей концепцией книги. Прежде всего, это вопрос о том, почему для обозначения той группы, которая фигурирует в работе как носитель исторической памяти, выбран именно термин «образованное общество», каковы характеристики и параметры этой группы. С ним связан и вопрос о содержании термина «высокая культура».

Термин «образованное общество», который я выбрала для обозначения субъекта исторической памяти, широко употреблялся в литературе изучаемой эпохи. Пример тому – публицистика Ф.М. Достоевского, который горячо и страстно писал об оторванности «образованного общества» (объединяя в этом понятии дворянство, чиновничество и интеллигенцию) от «массы народа», от «родной почвы», и считал «образованное общество» плодом петровской европеизации. Этот термин довольно активно используется и в наши дни, когда описываются реалии XIX века. «Образованное общество бурлило, непримиримые мнения сталкивались друг с другом», – читаем в недавно вышедшей книге С.А. Экштута¹. Поясняя свой тезис о «бурлящем» образованном обществе, Экштут говорит далее о «государственных мужах», радикально настроенной студенческой молодежи и об интеллигентах, состоявших на государственной службе. Поскольку же я пишу не о социуме как таковом, а именно об исторической памяти и исторической культуре России XIX в., я понимаю под «образованным обществом» людей, имевших достаточный уровень образования, чтобы читать Карамзина или исторические романы, рассматривать исторические полотна, понимая смысл отображенных на них реалий и событий, улавливать смысл исторических аллюзий в статьях публицистов и т.п. Сознаю, что границы этого термина и описываемой им социальной группы довольно размыты; по социальному происхождению, статусу, политическим взглядам представители этой группы могли существенно отличаться друг от друга. Обрисовка социальных границ этого слоя – задача самостоятельного исследования, и в последнее десятилетие в отечественной науке появился ряд интересных работ, целью которых является именно изучение «публики», «аудитории» художественных произведений, «адресатов» научного и политического дискурса (например, известная работа А. Рейтבלата «Как Пушкин вышел в гении»²). Понятие «образованное общество», на мой взгляд, семантически шире понятия «элита», неразрывно связанного с представлениями о господстве, лидерстве и влиянии (не обязательно политическом), и по-

¹ Экштут. 2012. С. 12.

² Рейтблат. 2001.

нятия «интеллигенция», которое в русской мысли обычно несло в себе некую аксиологическую, моральную составляющую.

Термин «высокая культура» применительно к реалиям XIX в. я употребляю в максимально широком смысле – как противоположность традиционной культуре; как все те виды культуры, для усвоения норм и семантики которых требуется определенный уровень образования. Реконструкция и анализ народных представлений об историческом прошлом не входили в цели моей работы – хотя, безусловно, могли бы стать интереснейшей темой для отдельного исследования. В этом плане «образованное общество» можно рассматривать как носителя «высокой культуры» (что и оговаривается в моей книге – с. 20). Историческая культура в таком случае является одним из аспектов, одной из сторон высокой культуры, поскольку историческая мысль и представления о прошлом могут пронизывать самые разные сферы, жанры и виды культуры.

Рецензент упрекает меня в невнимательности к профессиональной лексике, считая, что понятие «историческое знание» в моей работе «сначала используется в широком значении – как совокупность разных форм знания о прошлом», а затем, «через несколько страниц историческое знание сужается до значения исторической науки, которая противопоставляется другим формам “исторической культуры”». Тем не менее, в обоих случаях, указанных рецензентом (с. 21 и 28), термины «историческое знание» и «историческая наука» используются мною как синонимичные. Чтобы убедиться в этом, достаточно продолжить ту самую цитату из моей работы, которую приводит О.В. Морозов. «Исходя из задач исследования, представляется целесообразным вначале (в первой главе) обратиться к анализу тех структурных перемен, которые происходили во второй половине XIX – начале XX в. в историческом знании России: к проблеме смены парадигм исторического мышления. *В данном случае познавательные повороты в исторической науке рассматриваются в контексте сложного, многоуровневого процесса эволюции исторической культуры общества*» (с. 21). Иными словами, под «историческим знанием» я понимаю именно знание научное, поддающееся научной верификации и тем самым отличающееся от образно-символических представлений о прошлом³. Безусловно, соотнесение таких семантически насыщенных понятий, как «историческая культура», «историческое знание», «историческое

---

³ В теоретико-методологических трудах И.М. Савельевой и А.В. Полетаева в сходном значении используется термин «общественнонаучное знание о прошлом», противопоставляемое «вненаучному знанию» и «обыденным представлениям о прошлом»). Савельева, Полетаев. 2003. Т. 1. С. 249–250.

мышление», «историческая память», само по себе является дискуссионной темой, полем столкновения противоборствующих трактовок. В данном случае я сознательно остановилась именно на таком разграничении, которое отвечало целям моего исследования.

Ряд возражений и сомнений рецензента связан с вопросом о том, насколько оправдано применение разработанной М.А. Баргом концепции исторической культуры (понимаемой как системное единство исторической мысли, способов историописания и представлений о прошлом) при изучении реалий российского общества конца XIX в., – тогда как для изучения представлений о прошлом, свойственных 1860–1880-м гг., рецензент считает такой подход продуктивным. Отмечу, что в данном случае я двигалась от эмпирического материала к поиску теоретических моделей для его осмысления. Исследование эволюции некоторых образов и сюжетов (Ивана Грозного, Петра Великого, старообрядчества, «русского бунта») в российской культуре заставило меня заметить, что довольно частыми явлениями в культуре XIX – начала XX в. были – говоря языком самого рецензента – как «онаучивание» политического и художественного дискурсов, так и использование в науке литературных метафор и визуальных образов. Сфера исторических знаний той эпохи по мере изучения материала представляла уже не как замкнутый мир строгой науки, развивающийся по своим внутренним законам (как ее обычно рассматривают в классических историографических трудах), а скорее как открытая система, впитывающая веяния общественной жизни и активно откликающаяся на морально-этические и эстетические искания «властителей дум». Для теоретического осмысления этих явлений оказалась продуктивной модель, предложенная М.А. Баргом. Разумеется, пути науки и искусства с течением времени могли разойтись, и даже кардинально (что мы и наблюдаем, в частности, в наши дни); но проследить, как внутри «системного единства», сформировавшегося во второй половине XIX в., постепенно возникали линии напряжения и точки излома, было одной из существенно важных задач моего исследования.

Мне действительно импонирует яркое исследование С.Ю. Малышевой о советских революционных праздниках; архитектоника наших работ сходна потому, что нас обеих интересовала проблематика формирования «мест памяти», мифологизации прошлого (методология этого направления восходит к П. Нора и классической работе «Места памяти»). Ключевые идеи наших работ были представлены научной общественности одновременно, в одном и том же коллективном труде⁴. Но в то

---

⁴ Леонтьева. 2008. Гл. 22. С. 636–681; Малышева. 2008. Гл. 23. С. 682–710.

же время структура наших работ нацелена на решение разных исследовательских задач: и та статья С.Ю. Малышевой, на которую ссылается рецензент, и ее монография, опубликованная в 2005 г.⁵, посвящены проблемам вторжения идеологических мифов в пространство городской повседневности, в быт и сознание провинциального горожанина; моя же работа – проблемам взаимопроникновения научных и художественных дискурсов при создании картины «общего прошлого».

Хотелось бы сделать еще одно пояснение, которое мне представляется принципиально важным. По словам рецензента, «о памяти О.Б. Леонтьева пишет только во Введении, забывая концептуализировать ее в дальнейшем с применением теоретического и эмпирического материала»; рецензент полагает, что историческая память для моей работы – не более чем «трамплин на старте», позволяющий перейти в дальнейшем исследовании к иным терминам и темам. Боюсь, что после такого упрека (кстати, «забыть о памяти» – замечательный оксюморон) у читателя рецензии может сложиться впечатление, что автор монографии ненароком подменяет предмет своего исследования или механически пристегивает текст «Введения» к основному тексту работы, посвященной иным проблемам.

Во «Введении» я сочла необходимым очертить несколько путей к изучению исторической памяти, сложившихся в современной историографии: изучение дискурсивных структур; исследование образов прошлого; изучение мира памяти с помощью пространственных метафор; анализ мифов исторической памяти, сложившихся вокруг реальных исторических событий. Именно этим и обусловлена логика построения монографии: дискурсивные структуры исторического знания и способы организации исторического нарратива (в том числе пространственно-временные конструкты) рассматриваются в первой и второй главах; образы прошлого и пути его мифологизации – во всех остальных разделах моей работы. В этом плане историческая память не исчезала из сферы моего внимания ни на одной стадии работы над книгой.

Центральной проблемой моей работы является не только реконструкция структур исторической памяти самих по себе, но изучение роли исторической памяти в формировании коллективной идентичности. Мне представлялось важным проследить, в какой мере модели становления национального самосознания (и национальной историографии как одной из его составляющих), столь колоритно воссозданные в работах Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, Г. Иггерса, «работают» применительно к россий-

---

⁵ Малышева. 2005.

ским реалиям. Именно поэтому, как справедливо указывает рецензент, при реконструкции исторических представлений прошедшей эпохи я сосредоточила внимание не на когнитивных аспектах исторической науки, а на иных ее сторонах. При этом моей целью было выявить не столько злободневно-политическую, сколько аксиологическую составляющую исторической культуры пореформенной России; понять, какие нравственные дилеммы возникали перед историком, художником или поэтом, обращавшимся к сюжетам прошлого. Соперничество разных трактовок исторических событий, как я стремилась показать, во многих случаях свидетельствовало не просто о научных противоречиях, о «внутрицеховых» разногласиях профессиональных историков, и даже не о «постоянном волонтаристском переписывании рассказа о прошлом в угоду современности», но о наличии ценностных конфликтов в жизни пореформенного общества. Именно поэтому в заключительной части работы я веду речь уже не о концептуализации понятия «историческая память», а о тех моделях, сценариях коллективной идентичности, которые формировались в сознании образованного общества изучаемой эпохи и были неразрывно связаны с тем или иным видением прошлого.

В завершение я хотела бы еще раз выразить признательность автору – за серьезный анализ моей работы, за возможность вернуться к обсуждению вопросов, затронутых в монографии, и, прежде всего, к методологическим проблемам изучения исторической памяти. Хотелось бы пожелать автору рецензии успехов в его дальнейшей научной работе и выразить надежду на продолжение научного диалога – тем более, что наши научные интересы находятся в одном и том же проблемном поле.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Леонтьева О.Б.* Историческая память и образы прошлого в культуре пореформенной России // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2008. С. 636–681.
- Мальшиева С.Ю.* Мифологизация прошлого: советские революционные празднества 1917–1920-х годов // Диалоги со временем... 2008. С. 682–710.
- Мальшиева С.Ю.* Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005.
- Рейтблат А.* Как Пушкин вышел в гении. М., 2001.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. СПб.: Наука, 2003. Т. 1: Конструирование прошлого. С. 249–250.
- Экитут С.А.* Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М.: Молодая гвардия, 2012.

Леонтьева Ольга Борисовна – доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории Самарского государственного университета; oleontieva@yandex.ru